

К. К. Арсеньев

**Свобода совести и
веротерпимость. Сборник
статей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. К. Арсеньев**
Свобода совести и веротерпимость. Сборник статей / К. К. Арсеньев – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 298 с.

ISBN 978-5-518-00180-0

ISBN 978-5-518-00180-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	IV
I. Различные взгляды на вѣротерпимость и свободу совѣсти	I
II. Пiетизмъ на русской почвѣ	47
III. Расколъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и законъ 3-го мая 1883 года	61
IV. Расколъ послѣ закона 3-го мая 1883 года.	86
V. Сектантство послѣ закона 3-го мая 1883 года.	142
VI. Католичество и лютеранство	202
VII. Язычество и магометанство	236
VIII. Полемическія замѣтки	249
IX. Новое уголовное уложеніе и религіозныя преступленія.	271
X. Заключение	280

1.

РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ВЪРОТЕРПИМОСТЬ И СВОБОДУ СОВѢСТИ.

Къ числу немногихъ свѣтлыхъ точекъ, представляемыхъ исторіей, принадлежатъ единоличныя или коллективныя попытки замѣнить право силы — силою права, власть преданія и привычки — властью идеи. Ихъ встрѣчаютъ, болѣею частью, снисходительной или презрительной усмѣшкой, отъ нихъ отворачиваются, пожимая плечами; „практическіе люди“ спѣшатъ осудить мечтателей, идеологовъ — и приговоръ, ими произносимый, утверждается, повидимому, самою жизнью, потому что все остается по старому. Проектъ аббата Сень-Пьера о вѣчномъ мирѣ не предупредилъ ни одной войны; извѣстное обращеніе квакеровъ къ императору Николаю Павловичу не остановило разрыва между Англійей и Россіей. И все-таки въ этой безнадежной борьбѣ съ господствующими теченіями есть нѣчто поразительное и трогательное, нѣчто болѣе привлекательное, чѣмъ многія громкія и блестящія побѣды. Она намѣчаетъ идеалы, возбуждаетъ и поддерживаетъ надежду на лучшее будущее, мѣшаетъ примиренію съ дѣйствительностью, какъ съ чѣмъ-то неизбежнымъ и непоправимымъ. Обычному преклоненію передъ „огнемъ и желѣзомъ“ противопоставляется преклоненіе передъ правдой, въра въ мирное торжество мысли. Какъ бы мало шансовъ успѣха ни имѣлъ, въ данную минуту, призывъ къ истинѣ, важно уже и то, что онъ раздастся во всеулышаніе; совершенно безслѣдно онъ не пройдетъ, хотя осозательныхъ его

результатовъ не дождется, быть можетъ, ни одинъ изъ свидѣтелей его... Все это пришло намъ на мысль при чтеніи адреса евангелическаго союза, обращеннаго, въ 1888 г., къ Государю Императору и напечатаннаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, вмѣстѣ съ письмомъ оберъ-прокурора св. синода на имя Эдуарда Навилля (президента швейцарскаго центральнаго комитета евангелическаго союза). Съ какой стати — спросять, пожалуй, противники всего выходящаго изъ будничной колѣн, — съ какой стати иностранцы берутся судить о чисто-русскомъ дѣлѣ, иновѣрцы — о правахъ и преимуществахъ православной церкви? На что надѣются швейцарскіе, англійскіе, голландскіе, датскіе ревнители протестантизма, самозванно вступаясь во внутреннюю жизнь отдаленнаго, едва знакомаго имъ государства? Въ силу какого права разсчитываютъ они — люди невластные и большею частью мало извѣстные, по крайней мѣрѣ за предѣлами своей страны — на вниманіе верховной власти, обремененной тяжкими заботами правленія? Не смѣшонъ ли, не страненъ ли весь этотъ евангелическій союзъ, вообразившій себя, какъ донъ-Кихотъ, рыцаремъ угнетенной принцессы — свободы совѣсти?.. — Мы думаемъ, что онъ не смѣшонъ и вовсе не такъ страненъ. Невольно чувствуется глубокое уваженіе къ людямъ, принимающимъ къ сердцу чужое дѣло, какъ свое собственное — или, лучше сказать, сумѣвшимъ понять, что въ области идеи нѣтъ разницы между *своимъ* и *чужимъ*, что въ торжествѣ правды одинаково заинтересованы всѣ вѣрующіе въ нее. Утѣшительно видѣть и то, что *право* евангелическаго союза говорить о свободѣ совѣсти признается съ высоты престола, и признается уже не въ первый разъ. Мы узнаемъ изъ адреса, что просьбы союза неоднократно были выслушиваемы императоромъ Александромъ II. Въ Швеціи въ Италиі, въ Германіи, въ Испаніи, въ Австріи, въ Турціи онъ приводили „къ распространію великаго начала религіозной свободы“.

Непосредственнымъ поводомъ къ адресу послужило возстановленіе въ острѣвскихъ губерніяхъ закона о смѣшанныхъ бракахъ, дѣйствіе котораго было для нихъ приостановлено въ шестидесятыхъ

годахъ; но ходатайство союза не приурочивается исключительно къ этому отдѣльному вопросу. „Мы знаемъ, — говорятъ представители союза, — что въ Россіи существуютъ законы, воспрепятствующіе членамъ православной церкви переходить въ другія исповѣданія. Но, осмѣливаясь просить Ваше Величество объ отмѣнѣ этихъ законовъ, мы этою самою просьбою думаемъ воздать высочайшую хвалу тому чувству справедливости, коимъ одушевленъ августѣйшій сынъ освободителя двадцати милліоновъ изъ рабства, сынъ монарха, дозволившаго свободное распространеніе слова Божія во всей имперіи. Ходатайствуя за религіозную свободу, мы нисколько не ~~осмѣливаемъ~~ нарушать начало церковнаго авторитета и никоимъ образомъ не въ ~~можемъ~~ съ этой мысли, что всѣ мнѣнія (въ дѣлѣ вѣры) имѣютъ одинаковую цѣну. Наше завѣтное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы всякій, имѣющій преимущество быть подданнымъ Вашего Величества, могъ свободно чтить Бога по своей совѣсти, свободно воспитывать своихъ дѣтей въ вѣрѣ отцовъ, чтобы духовные пастыри христіанскихъ церквей могли безпрепятственно исполнять относительно своей паствы всѣ обязанности своего званія, наконецъ, чтобы всѣ тѣ, кои, не давая себѣ отчета въ важности рѣшенія, записались въ списки православной церкви, могли, безъ опасенія, возвратиться въ лоно прежней своей церкви, если изъясвятъ свободное къ тому желаніе“.

„Россія хранитъ глубокое убѣжденіе, — читаемъ мы въ отвѣтѣ данномъ на адресъ оберъ-прокуроромъ св. синода, — что нигдѣ въ Европѣ православыя и даже нехристіанскія исповѣданія не пользуются столь широкою свободою, какъ посреди русскаго народа. Увы, въ Европѣ не хотятъ признать этой истины. Почему? Потому единственно, что тамъ къ понятію о свободѣ исповѣданія примѣшалось безусловное право пропаганды егѳ. И вотъ источникъ вашихъ сѣтованій на наши законы о совращеніяхъ изъ православія и объ отпаденіяхъ отъ него! Въ этихъ законахъ, ограждающихъ господствующее въ Россіи исповѣданіе и устранивающихъ посягательство на спокойствіе егѳ, Европа видитъ ограниченіе свободы для другихъ исповѣданій, даже преслѣдованіе ихъ!“

Не входя принципіально въ обсужденіе вопроса о связи между свободой вѣроисповѣданія и правомъ прозелитизма, авторъ отвѣта переходитъ на историческую почву и указываетъ на великія заслуги Россіи по охраненію Европы противъ мусульманскаго міра. Источникомъ силы, необходимой для исполненія этой задачи, послужила для Россіи „твердая устойчивость въ собственныхъ началахъ“, независимыхъ ни отъ Азіи, ни отъ западной Европы. „Что было бы съ Россіей, если бы она, окруженная съ востока и запада многими десятками народностей и исповѣданій и постепенно давая имъ пріютъ у себя, колебалась въ недоумѣніи между однимъ и другимъ! Что было бы и съ западной Европой, если бы Россія стала ареной для соперничества этихъ народностей и исповѣданій, особенно въ тотъ періодъ, когда мусульманскій міръ сталъ твердою ногою на Босфорѣ, имѣя крѣпкіе опорные пункты въ царствахъ казанскомъ, астраханскомъ и крымскомъ, а весь западъ Европы запылалъ продолжительными религіозными войнами, то озаряясь кострами инквизиціи, то омрачаясь кровавыми *ночами* и *вечернями*? Только полная духовная самобытность спасала Россію среди этого коловорота религіозныхъ и политическихъ порывовъ на востокъ и на западъ“. Отсюда выводится заключеніе, что „охрана православной вѣры отъ колебаній и отъ покушеній на нее, съ какой бы то ни было стороны, составляетъ важнѣйшій историческій долгъ Россіи, потребность жизни ея“... Напомнивъ о нетерпимости, выказанной крестоносцами въ Византіи, о кровавыхъ войнахъ, „на знамени которыхъ была начертана свобода вѣры“, но настоящимъ содержаніемъ которыхъ служила „помѣсь религіозныхъ стремленій и мірскихъ вождедѣній“, авторъ отвѣта продолжаетъ: „въ этой-то смѣси западныхъ исповѣданій одновременно появились и въ Россіи. Католицизмъ избралъ для себя ареной западныя русскія области, проникся здѣсь полонизмомъ, открылъ непримиримую вражду противъ православія. Мы доселѣ не знаемъ въ этихъ областяхъ и въ цѣлой Россіи католичества, чуждаго духа вражды къ ней и старанія оторвать отъ нея исконныя ея западныя области. Увы, въ томъ же духѣ мірскихъ стремленій

Россія узнала и лютеранство, въ лицѣ бывшихъ ливонскихъ рыцарей, залегшихъ ей дорогу къ Балтійскому морю... Со стороны потомковъ рыцарей доселѣ идетъ борьба за исключительное господство въ краѣ, и доселѣ лютеранство, подобно прежнему католичествову, прикрываетъ эту мірскую борьбу знаменемъ религіи, подавляя всякія попытки со стороны туземцевъ къ единенію съ Россіей. Православіе здѣсь не нападаетъ, а себя защищаетъ въ этой тяжелой для него борьбѣ съ лютеранствомъ. Да, къ прискорбію для христіанскаго чувства, еще не настало время для мирной встрѣчи христіанскихъ идей Востока и Запада; западныя исповѣданія у насъ еще несвободны отъ мірскихъ видовъ, отъ посягательства на могущество и даже цѣлость Россіи. Россія не можетъ дозволить имъ пропаганды сѣторженія единовѣрныхъ сыновъ своихъ въ религіозные станы, еще не сложившіе стараго своего оружія противъ нея“. На западѣ Европы, по словамъ оберъ-прокурора, полною свободой пользуется только переходъ отъ вѣры къ безвѣрію. „Нѣтъ въ Европѣ законовъ о совращеніяхъ и отпаденіяхъ отъ господствующей вѣры, но есть силы, гораздо болѣе широкія и глубокія, насквозь пропитанныя нетерпимостью къ другимъ исповѣданіямъ, въ особенности же къ православной вѣрѣ, при которыхъ ссылка на отсутствіе законовъ о совращеніяхъ и отпаденіяхъ — одни жалкія слова. Провозглашаютъ свободу для всѣхъ вѣроисповѣданій и для всякаго племени въ принципѣ, но когда коснется дѣло до примѣненія этого принципа, изъ него исключаются православные — плоть западной цивилизаціи“.

Въ ту отдаленную эпоху, которой касается первая часть отвѣта, о религіозной свободѣ не было еще и рѣчи. Представителямъ западно-европейскаго христіанства странно было бы обращаться къ восточной церкви съ ретроспективнымъ упрекомъ, основаннымъ на замкнутости православія въ XVI-мъ вѣкѣ — странно потому, что въ это время совершенно чужды терпимости былъ не только католицизмъ, но и протестантизмъ, по крайней мѣрѣ протестантизмъ, вылившійся въ опредѣленную церковную форму. Явленіе безусловно общее и повсемѣстно распространенное не нуждается въ спе-

ціальныхъ оправданіяхъ. Если бы Россія и не играла выдающейся роли въ борьбѣ съ мусульманскимъ міромъ, ея прошедшее было бы ограждено отъ всякихъ порицаній со стороны защитниковъ религіозной свободы — ограждено въ силу того простого факта, что никакой плодъ не созрѣваетъ зимою. Два-три вѣка тому назадъ область вѣротерпимости была вся покрыта снѣгомъ, изъ-подъ котораго ни на западѣ, ни на востокѣ еще не показывались и не могли показаться молодые побѣги. Ключомъ къ разрѣшенію вопроса, поднятаго евангелическимъ союзомъ, исторія давно закончившагося періода служить, поэтому, не можетъ — и объ этомъ едва ли слѣдуетъ сожалѣть, потому что особенно убѣдительными аргументы, основанные на историческихъ догадкахъ, никогда не бывають. Что случилось бы съ Россіей и западной Европой, если бы Россія стала колебаться въ недоумѣніи между окружающими ее народностями и исповѣданіями — на это столь же невозможно отвѣтить, какъ и на всякую другую гипотезу, допускающую иной ходъ или иной исходъ историческихъ событій. Позволительно, однако, указать на то, что моментъ наибольшаго отпора, даннаго Россіей натиску азіатскихъ народовъ, не совпадаетъ съ моментомъ наибольшаго разгара религіозныхъ войнъ на западѣ Европы. Торжество Россіи надъ татарами было совершившимся фактомъ еще въ XV-мъ столѣтіи за полвѣка до перваго вооруженнаго столкновенія между католиками и протестантами. Столкновение это не помѣшало западной Европѣ остановить наступательное движеніе турокъ, потомъ отбросить ихъ назадъ; распространенію господства оттоманской Порты былъ положенъ предѣлъ еще до начала эпохи русско-турецкихъ войнъ. Что касается до царствъ казанскаго, астраханскаго и крымскаго, то они, по самому положенію своему, едва ли могли бы сыграть роль „опорныхъ пунктовъ“ въ единоборствѣ мусульманства съ западной Европой... „Костры инквизиціи“, „ночи“ и „вечерни“ (или по крайней мѣрѣ „ночи“, потому что „вечерни“ — сицилійскія — относятся къ другой, болѣе ранней эпохѣ европейской исторіи и не заключаютъ въ себѣ никакого религіознаго элемента) бесспорно уменьшали силу сопротивленія,

которую западная Европа могла противопоставить туркамъ, безспорно задерживали рѣшительную побѣду романо-германскаго міра надъ исламизмомъ; но вѣдь все это было не чѣмъ инымъ, какъ естественнымъ послѣдствіемъ религіозной нетерпимости — такимъ же естественнымъ послѣдствіемъ ея, какимъ является у насъ въ XVI-мъ вѣкѣ кровавое преслѣдованіе еретиковъ. въ XVII-мъ — еще болѣе кровавое преслѣдованіе раскольниковъ. „Помѣсь религіозныхъ стремленій съ мірскими“ также не составляетъ специфической особенности западно-европейскихъ народовъ; она не чужда, напримѣръ, нашей вѣковой борьбѣ съ Польшей. На знамени Хмельницкаго, какъ и на знамени Густава-Адольфа, было написано: „свобода вѣры“ — но на самомъ дѣлѣ въ обоихъ случаяхъ имѣлось въ виду еще многое другое. Сложность мотивовъ — неизбежное условіе или неотъемлемая принадлежность всякаго историческаго движенія.

Переходя отъ прошедшаго къ настоящему, нельзя оспаривать того, что католицизмъ на русской почвѣ до сихъ поръ расположенъ къ союзу съ полонизмомъ, лютеранизмъ — къ союзу съ остзейскимъ „рыцарствомъ“, какъ чѣмъ-то противоположнымъ туземному населенію. Весьма можетъ быть, что это зависитъ отчасти отъ тѣхъ ограниченій, которыя тяготѣютъ у насъ надъ иновѣрными исповѣданіями; весьма можетъ быть, что нѣсколько большая религіозная полноправность положила бы конецъ сочетаніямъ элементовъ, въ сущности ненормальнымъ. Какъ бы то ни было, евангелическій союзъ ходатайствуетъ вовсе не о разрѣшеніи пропаганды, послѣдствіемъ котораго могло бы быть усиленіе анти-государственныхъ тенденцій. Слова адреса о ненарушимости начала церковнаго авторитета и о неодинаковой цѣнности религіозныхъ мнѣній не могутъ быть понимаемы иначе, какъ въ смыслѣ признанія неприкосновенности господствующей церкви. Свобода прозелитизма предполагаетъ право открытой борьбы каждаго исповѣданія противъ всѣхъ другихъ, право публичной — устной, письменной, печатной — проповѣди, не только защищающей извѣстное ученіе, но и опровергающей всѣ остальные. Ни о чемъ подобномъ евангелическій союзъ не говорилъ; онъ просилъ только объ отмѣнѣ законовъ, „воспре-

щающихъ членамъ православной церкви переходить въ другія исповѣданія“. Представимъ себѣ человѣка, рожденнаго въ нѣдрахъ господствующей церкви и начинающаго сомнѣваться въ истинѣ ея ученія. Источникомъ сомнѣній служатъ для него не постороннія увѣщанія и убѣжденія, не проповѣдь иновѣрнаго священника или богослова, а собственная мысль и чтеніе — чтеніе книгъ не только не запрещенныхъ господствующею церковью, но высоко ею чтимыхъ. Пропаганды, прозелитизма, совращенія здѣсь нѣтъ и въ поминѣ, къ такому лицу непримѣнимо ни одно слово изъ отвѣта на адресъ евангелическаго союза — а между тѣмъ оно не можетъ, по нашимъ законамъ, послѣдовать влеченію своего сердца и своей мысли, не можетъ выйти официально изъ среды церкви, къ которой перестало принадлежать на самомъ дѣлѣ. Вотъ къ устраненію чего направлено ходатайство евангелическаго союза. Возможны ли случаи въ родѣ того, который мы только что допустили? Безъ сомнѣнія, возможны. Справедливо ли требовать внѣшняго единенія, когда нѣтъ больше на лицо внутренней связи? Очевидно, нѣтъ. Когда именно общество вѣрующихъ несетъ дѣйствительную потерю — тогда ли, когда кто-либо изъ его членовъ отдѣлился отъ него духовно, или тогда, когда онъ открыто присоединился къ другому вѣроученію? Конечно — въ первый изъ этихъ моментовъ. Отяготительное по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, насильственное удержаніе въ церковныхъ спискахъ совершенно бесполезно — чтобы не сказать болѣе — для самой церкви.

Подойдемъ еще ближе къ дѣйствительной жизни: спроеимъ себя, въ какихъ случаяхъ наше законодательство по дѣламъ вѣры — насколько оно касается инославныхъ исповѣданій — оказывается особенно стѣснительнымъ для религіозной свободы? Случаевъ перехода коренныхъ православныхъ въ католицизмъ или лютеранство у насъ теперь не бываетъ почти вовсе, да и прежде они встрѣчались только въ средѣ высшаго общества; не о нихъ, по всей вѣроятности, помышлялъ и евангелическій союзъ, когда приступалъ къ составленію своего адреса. Поразили его, повидимому, двѣ категоріи явленій: обязательства, возлагаемыя на супруговъ при вступ-